

**ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ
ПОЭТАМИ-СИМВОЛИСТАМИ**

Там розы Ширази, там сал Шах-наме.
Газели Гафиза...
И грезы о прошлом блистают в уме.
Как пестрая виза.
Привет тебе, дальний и дивный Иран.
Ты, праотец мира.

В. Брюсов

Как и творчество французских предшественников, поэзия русских символистов была пронизана глубоким пессимизмом. Критики будут укорять их за бегство от действительности, безразличие к социальным проблемам и будут правы. Символисты знали, что читателя всегда будет волновать поэзия, прикасающаяся к тайнам мира, хрупким движениям души. Их манила мистика, экзотика, которую они находили в восточной литературе. Экзотика восточной поэзии не оставила равнодушным и одного из корифеев русского символизма Константина Дмитриевича Бальмонта (1867-1942).

В июне 1903 года поэт пишет Валерию Брюсову: «Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие. Константинополь, Египет, вероятно, Персия...» [6, 9]. Он всю жизнь хотел попасть в Персию, но увы, осуществить затеянное так и не удалось. Даровитый лингвистическими способностями, символист знал двадцать языков. Что и помогло Константину Бальмонту оставить след в истории русской литературы не только как великому писателю, но и прекрасному переводчику. Бальмонт-переводчик не просто знал, но и восхищался шедеврами персидской поэзии. В 1910 году в журнале «Русская мысль» были опубликованы переводы, сделанные Бальмонтом, одиннадцати четверостиший Гийяс-ал-Дина Абв-ль-Фатха Омара ибн-Эбрахима Хайяма Нишапури, известного как Омар Хайям (1048 – 1131), являющегося известным в западном мире представителем классической персидской поэзии, писавший стихотворения в жанре восточной поэзии – рубаи. Рубаи включает в себя четыре полустихия и рифмуется по схеме аааа или ааба. Всемирная известность поэту-философу пришла благодаря английскому поэту викторианской эпохи Эдварду Фицджеральду (1809 – 1883), опубликовавшему в 1859 году «Рубайат Омара Хайяма», а в русской литературе первая публикация переводов Хайяма датируется 1891 годом. Поэт В.Л. Величко опубликовал в «Вестнике Европы» шестнадцать стихотворений под заглавием «Из Омара Хайяма. С персидского». Он является первым поэтом, который познакомил русских читателей с поэзией персидского поэта. Величко не ставил перед собой задачу повторения оригинала: рубаи были им переданы разными по величине стихотворениями, более всего восьмистишиями. Только пять переводов сделаны в форме оригинала – четверостишия. Заслуга Величко несомненно была велика, но Бальмонт один из первых русским поэтом, переводящих рубаи персидского языка – языка подлинника. Он не воспроизводил размер и рифмовку памятника персидской поэзии, применял перекрестную рифму, опоясывающую, иногда монорим и не использовал редифа – повтора в концах рифмующих строк. Константин Бальмонт всегда хотел передать «дух» подлинника, он не стремился к точному переводу, что можно видеть и в этих работах поэта.

Переводя четверостишия классика восточной поэзии, Бальмонт не отступал от первоначального смысла автора. Дословный перевод одного из рубаи:

Забудь о дне, который [уже] прошёл,
Не скорби о ненаступившем завтрашнем дне,
Не опирайся на грядущее и прошедшее,
Будь весел теперь, не растрачивай попусту жизнь [9, 100].

Если сравнить перевод Бальмонта с более поздним переводом этого же рубаи, сделанным Г. Плисецким в 1972 году, можно увидеть насколько в смысловом плане эти переводы отличаются:

Грядущий день и прошлый день
Меня не беспокоят,
Но в этот день, в текущий день

Мне струны песню строят [11, 1].

Бальмонт использовал перекрестную рифму (abab) для этого четверостишия. Плисецкий же перевел четверостишия, используя редиф:

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
День сегодняшний завтрашней меркой не мерь.
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,

Верь минуте текущей – будь счастлив теперь! [10, 143]

Образ вина, постоянно присутствующий в восточной поэзии, также присутствовал и в стихах Хайяма, — это адресация к узости разума, недостаточности его для познания всей полноты жизни и Бога:

⁸⁴ БГУ, магистр

Нельзя растить в сердце росток печали,
Надо безотрывно читать книгу наслаждений.
Нужно пить вино и потакать желаниям сердца,
Ведь неизвестно, сколько времени дано нам побыть на свете [9, 102].

Бальмонт же, являясь поэтом-символистом, опускает образ в своем переводе:
Древо печали ты в сердце своем не сажай,
Книгу веселья, напротив, почаще читай,
Зову хотенья внимай и на зов отвечай,
Миг быстротечный встречай и лозою венчай [11, 2].

Однако в следующем четверостишии он не пренебрегает вечным образом восточной поэзии:

Когда я чару взял рукой и выпил светлого вина,
Когда за чарою другой вновь чара выпита до дна,
Огонь горит в моей груди, и как в лучах светла волна,
Я вижу тысячу волшебств, мне вся вселенная видна [11, 1].

Поэт, воспевавший природные стихии – Океан, Солнце, Огонь и Воду, и здесь не сделал исключения и перевел рубаи, посвященный одной из стихий:

Плакала капля воды: "Как он далек, Океан!"
Слушая каплю воды, смехом вскипел Океан.
"Разве не все мы с тобой? -- капле пропел Океан,
Малой раздельны чертой", -- капле гудел Океан... [11, 2].

Омар Хайям по праву считается одним из величайших поэтов Востока. Спустя почти тысячу лет его **рубаи** все так же излучают глубочайшую мудрость:

Цель всего творения – мы,
В глазах разума источник зрения – мы.
Этот круг мироздания – словно перстень,
Без всякого сомнения лучший камень его инкрустаций – мы [9, 110].

Бальмонт верно перенял у автора смысл рубаи, но воплотил его в иной форме:

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира – перстень драгоценный,
А мы в том перстне – вправленный алмаз [11, 1].

В 1917 году поэт пишет: «Природа посылает лунное серебро в горло соловья... В лунную же ночь он поёт с такой стройностью, что Джалаладдин Руми, и Хаканий, и Гафиз от него переняли дар постройно жемчужные ожерелья из слов и власть рассыпать розовые лепестки напевности пред ликами сладчайшими черноокой Персии» [7, 16]. Из этой характеристики поэзии «черноокой Персии» можно сделать вывод, что Константин Бальмонт не только знал персидский язык, но и страстно восхищался персидской поэзией.

Поэт увлекался разными мифологическими и религиозными системами. Одно из них – суфизм, оказавшее влияние на восточную поэзию. Философским идеалом суфизма является единство человека и Божественного. Эта философия была близка к творчеству К. Бальмонта. В 1909 году К. Бальмонт включил в сборник «Хоровод времен. Всегласность» стихотворение «Джэлаляэддин Руми» (1907). Это произведение относится к кризисному периоду творчества поэта. Из названия понятно, что стихотворение посвящено поэту-суфию Джалаладину Руми (1207-1273). Руми и К. Бальмонт были схожи в мировоззрениях, оба были приверженцами пантеизма. Поэт упоминает Руми только в названии, в самом тексте заменяя его имя на местоимения:

Тот, кто знает силу пляски,
В том, как в вихре, светит Бог,
Ибо смерть он знает в ласке.
Алла — гу! [1, 270]

К. Бальмонт сравнивает Руми с вихрем, и в нем «светит Бог». Он изобразил Руми в состоянии священного экстаза. Не спроста стихотворение начинается строчкой «Тот, кто знает силу пляски...». Это восходит к священному суфийскому ордену, основанном Руми, под названием «братство танцующих дервишей». «Алла — гу!» — фраза, повторяемая танцующими дервишами. Это призыв к молитве «Аллаху Акбар» («Аллах велик»). При написании этого произведения поэт использует структуру хадиса. К. Бальмонт использует такие элементы хадиса: притчеобразное начало, и ранее упомянутое, использование местоимений вместо имени героя. К. Бальмонт написал это стихотворение, чтобы выразить свое понимание философа Руми.

«В той части леса, где поёт...» (1910), посвященному С.А. Кусевицкому (1874-1951), Бальмонт вспоминает об Хагани (1120-1199) и Хафизе, сравнивает их поэзию с пением соловья:

Как греза в Персии цвела,
Как бог и сердце - верх и низ,
Как пел Гаканий и Гафиз.

Так пели нежным, как поет,
Певучий источая мед,
Среди смарагдовых ветвей,
Подняв свой клювик, соловей [1, 457].

Восточные поэты не оставили равнодушным и другого известного поэта-символиста Валерия Яковлевича Брюсова (1883-1924). В своем историко-поэтическом сборнике «Сны человечества» автор старался воплотить в своих подражаниях лучшие жанры мировой поэзии. В цикле «Персия» он опубликовал «Персидские четверостишия» (1911-1913). Два первых четверостишия «Не мудрецов ли прахом земля везде полна?..» и «Есть в жизни миги счастья, есть женщины, вино...» в рукописях поэта озаглавлены: «Подражание четверостишиям Омара Хайяма». Вдохновленный идеями Хайяма Брюсов пишет:

Есть в жизни миги счастья, есть женщины, вино,
Но всем на ложе смерти очнуться суждено [2, 332].

А вдохновившись газелями Хафиза написал «Газели» (1913-1915):

Пылают летом розы, как жгучий костер,
Пылает летней ночью жесточе твой взор.
Пьянит весенним утром расцветший миндаль,
Пьянит сильней, вонзаясь в темь ночи, твой взор [2, 333].

Стоит отметить, что при написании газеллы Брюсов сохранил главную характеристику — в повторении последних слов первого стиха в конце второго стиха и в конце каждого двестишия; все остальное — украшения, которые для данной формы не обязательны. Еще в ранний период творчества В. Брюсов опубликовал в журнале «Весы» стихотворение под заглавием «Газэла» (1907). В соответствии с канонами газели поэт использовал монорим: тобой — свой — тьмой — бой — той — твой. Это говорит о том, что еще до появления замысла «Снов человечества», автор был знаком с формой персидской лирики.

В раздел «Арабы» этого же сборника поэт добавил стихотворение, выполненное в форме касыды. Это стихотворение «Катамия» представляет собой, как указано автором в рукописи, «подражание стихотворения Набиги». Мусульманский мистицизм со своей любовной, эротической лирикой послужил основой для написания этого произведения. Тут поэт показывает эротизм в классической для суфизма двойственности образов-символов, который был представлен в лице любимой:

Когда бы завтра, при отъезде, ты распахнула свой шатер,
Хоть на мгновенье мог бы видеть я без фаты твой черный взор.
И на груди твоей камень, как ярко-пламенный костер,
И на твоей газельей шее жемчужно-яхонтный убор [2, 338].

В планах у Валерия Брюсова было написать цикл «Страна роз. Персия» в разделе «Средневековье» сборника «Сны человечества». Поэт намеревался написать стихотворения в «духе Гафиза, Омар Хайяма, Фирдоуси и Низами», что говорит о прекрасной осведомленности Брюсова в персидской поэзии. Однако воплотил лишь малую часть задуманного. Свет увидели лишь четверостишия в «духе Хайяма» и газели в «духе Гафиза».

Восточная тематика, затронувшая творчество старших поэтов-символистов, так же повлияла и на младшее поколение символистов. К этому поколению относится Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949), являющийся хозяином той самой Башни в Петербурге, ставшей центром литературной жизни Серебряного века. Большой интерес представляет собой диссертационная работа Вяч. Иванова «Дионис и прадионисейство», которую он защитил 22 июля 1921 года в Баку. Она посвящена древнегреческой мифологии, но автор и тут не забывает о традициях Востока. Поэт проводит параллели с религиозными праздниками, соотносит обряд древних греков (их плача по умершим) с известной мистерией мусульман «Шах Хусейн: «В сентябре шииты правят плачевный и экстагический праздник, именуемый в обиходе, - по неустанно повторяемому его участниками френетическому восклицанию, - «Шах-сэй, вах-сэй"... Этиологически приурочен этот праздник к воспоминанию о гибели исторического Гуссейна, но очевидно восходит своими корнями к древнейшим плачам, - как и вообще в религиозном быте Персии сохранились остатки первоначальных культов» [3, 192]. Поэт со всей точностью и в подробностях описывает обряд, связанный с днем поминовения шиитского имама Гусейна, ставшего мучеником в 680 году в Кербале. Проводя параллели меж древнегреческими плачами и мусульманской мистерией автор делает заключение, что ««таковы современные пережитки древнего плача в его доньне сохранившейся непосредственности, - со всем тем, что породил он: миметическим действием, обрядом собирания разрозненных членов, культом пророчествующей головы — явлениями родными Дионисовой религии. Обычай карийцев в Египте наносить себе головные раны ножами при всенародных плачах по Осирису отмечен Геродотом» [3, 194]. Этот факт говорит об отличной осведомленности автора о традициях, бытовавших на мусульманском Востоке.

В целом, интерес Вяч. Иванова к поэзии Востока начался с 1911 года, когда поэт огласил свои опыты в жанре газели, которые сам называл «газэлы». В том же году свет увидел поэтический сборник поэта «CorArdens», включающий в себя стихотворения, пронизанные восточной тематикой. Туда включены стихотворения «Палатка Гафиза», «Ипа», «Клан пращуров твоих взрастил Тибет», «Возрождение Газэла». В «Палатке Гафиза» поэт с восторгом пишет о Гафизе, называя себя его наследником:

Снова свет в таверне верных после долгих лет, Гафиз!

Вина пряны, зурны сладки, рдяны складки пышных риз,

И умильные украдкой взоры встретятся соседей:

Мы — наследники Гафизом нам завещанных наследии [4, 310].

Как можно заметить, газелями Хаджа Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза Ширази (1321—1390) был увлечен не только Валерий Брюсов, но и сам Вяч. Иванов. Он организовал кружок «гафизитов». Имя и творчество Хафиза надолго связало поэта с поэтическим миром Персии и с суфийской традицией. В «Палатке Гафиза» символист высказывается о поэте-суфии: «Шмель Ширази, князь экстаза, мистагог и друг — Гафиз». [4, 311] Мистический экстаз, красной нитью проходивший через творчество Гафиза, и привлекал внимание Вяч. Иванова. Поэт хотел читать Гафиза в подлиннике и, будучи в Баку, решил выучить персидский язык, однако его попытка не увенчалась успехом.

Также поэт включил в «Книгу пятую. "Rosarium"» вышеупомянутого сборника стихотворения, написанные под влиянием газелей Гафиза. Написав «Газэлы о розе» (семь стихов), «Новые газэлы о розе» (восемь стихов) и цикл «Антология розы», состоящий из 21 элегического двустишия, поэт подтвердил свое пристрастие к формам и размерам персидской лирики. Традиционный образ восточной поэзии — образ прекрасной розы присутствует во всех газелях поэта. Приведем несколько примеров из газелей Вячеслава Иванова:

1. Принесли твой свет от Суристана
Дэвы до ключей Эвфрата, Роза;

И до двери Тигра от Персиды

Пери — негу аромата, Роза. [4, 441]

2. Что — любовь? Поведай, лира! — Роза.
От Зенита до Надира — Роза.

Молодая мужа ревновала —

К деве-лилии, Кашмира роза.

И завяла... Так вверяет в бурю

Лепестки крылам эфира роза.

Легкой пташкой в рай впорхнула, к дэвам.

«В дом вернись,» — ей вестник мира, — «Роза!» [4, 443]

У дверей, под кипарисом юным,

Зацвела, зардела сиром — роза.

3. Страж последнего порога — Роза.
Дверь невестина чертога — Роза.

Разомкнутся с тяжким стоном цепи;

Но твое мерило строго, Роза.

Меж столпов, меж адамантных, рдеет

И струит дыханье Бога — Роза. [4, 445]

Еще одно из таких «подражаний персидскому» является «Баллада», также опубликованная в сборнике:

Всех нежной Персии даров

Ты сладостней, цветов царица!

Ты — неги, песен и пиров

Наперсница. Ты — чаровница [4, 350].

Поэт не только лично от себя, но и от многих собратьев по Серебряному веку поклялся в верности персидскому поэту. В творческом плане Вячеслава Иванова был роман под названием «Северный Гафиз». В кружок «гафизитов» входили Н.А. Бердяев, С.М. Городецкий, К.А. Сомов, М.А. Кузмин. Это он делает в своем стихотворении «Встреча гостей», называя Хафиза «кто дал нам сладостный завет»:

Садов Ширази шмель и мистагог — поэт,
Гафиз из наших уст вещает им: «Привет».
Вы ж, сопричтенные гафизовой таверной
К друзьям, пребудете ль в любви нелицемерной
Верны тому, что дал нам сладостный завет? [4, 430]

Вяч. Иванов опубликовал в 1910-ые годы еще несколько стихотворений на восточную тему: «Воспоминания о Яффе» (альманах «Гюлистан»), «Мемнон» (журнал «Русская идея») и три стихотворения – «Певец у суффитов», «Фламинго», «Яффа», опубликованных уже после смерти поэта.

В отличие от Константина Бальмонта и Валерия Брюсова младосимволист Вячеслав Иванов в Персии побывал. Эта поездка была коротка, но во время нее он хотел пережить тот экстаз, о котором слагали стихи персидские поэты, поэтому он не отказался от предложения покурить опиум. Помимо Вяч. Ивановым еще одним символистом, побывавшем в Персии был Сергей Митрофанович Городецкий (1884-1967). Впечатления от пребывания в стране поэт изложил в 1916 году в стихотворение «В Персии»:

Затихла, в зное задыхаясь,
Страна, нежнейшая из стран.
Пыля и мерно колыхаясь,
Идет верблюдов караван [5, 435].

Через два года С. Городецкий снова обращается к этой теме и из-под его пера выходит стихотворение «Персия», в котором поэт показал свое видение восточной страны:

И Персия с глазами лани,
Подняв испуганно чадру,
Впилась в багряный флаг, в Гиляне
На синем веющий ветру [5, 445].

С. Городецкий был впечатлен восточными образами: «лазурь» Гиляна, «шапля розою пылает», «жемчуг с миндалей», «синеющие четки волн», «желтой парчи». В дальнейшем эти же образы заимствовал у своего учителя Сергей Есенин. Стоит отметить, что именно С. Городецкий разбудил в Сергее Есенине интерес и привил любовь к Персии, выразившуюся в цикле «Персидские мотивы».

Символисты, как первые представители русской литературы XX века, пробудили огромный интерес многих представителей Серебряного века к Востоку, его литературе. Несомненно, каждый из выше перечисленных поэтов, затрагивая тему Востока, делал это по-своему. В своих произведениях они показывали свое видение экзотического, мистического края. Это поэты, которым открылась тайна восточной литературы.

Список использованной литературы

1. Бальмонт В. К. Бальмонт К. Д. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи М., "Художественная литература", 1980. — 742 с.
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. — М.: Художественная литература, 1973. — Т. 2. Стихотворения 1909—1917. — 393 с.
3. Иванов В.И. Дионис и прадионисейство. Бакв: 2-ая государственная типография, 1923, 303 с.
4. Иванов Вяч. И. Собрание сочинений. Т.2. Брюссель, 197. — 515 с.
5. Машинский С.И. Л. Сергей Городецкий, авторский сборник: Советский писатель. Ленинградское отделение. 1974 г. — 647 с.
6. Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. АЗС Бальмонт и Япония. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. —190 с.
7. Бальмонт К. Д. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина — М.: Российское музыкальное издательство, 1917. — 31 с.
8. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. — М.: Художественная литература, 1973. — Т. 2. Стихотворения 1909—1917. — 393 с.
9. Омар Хайям. Четверостишия. — Русич — 2002. — 512 с.
10. Плисецкий Г. Б. Хайям. Хафиз. Экклезиаст: Стихотворения и переводы / Сост. Д. Г. Плисецкий. — М.: Эксмо, 2016. — 256 с.
11. Русская мысль: журнал научный, литературный и политический. - Г. 1-[42]. - Москва, 1880-1923, 1910 год.— 190 с.
12. Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы. М.: Прогресс, 1970. 418 с.

РЕЗЮМЕ

Поэты-символисты были известны не только оригинальными произведениями на восточную тематику, но и своими переводами и подражаниями классикам восточной поэзии. В данной статье делается попытка проанализировать переводы Омара Хайяма, вышедших из-под пера К. Бальмонта, раскрыты структура и синтаксис газелей В. Брюсова и Вяч. Иванова, написанных под влиянием произведений мастера газели Гафиза Ширази.

Ключевые слова. Омар Хайям, Гафиз Ширази, К. Бальмонт, В. Брюсов, Вяч. Иванов, Восток, суфизм.

Summary

Symbolist poets were known not only for their original works on oriental themes, but also for their translations and imitations of classics of oriental poetry. In this article, an attempt was made to analyze the translations of Omar Khayyam, who came out of the pen of K. Balmont, revealed the structure and syntax of the gazelles V. Bryusov and Vyach Ivanov, written under the influence of the works of the gazelle master Gafiz Shirazi.

RƏYÇİ: prof. R.Bağrov

Dil və ədəbiyyat: Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal 2021.- №3(117).-
S.320-325.